Музыкальные фильмы когда-то имели чрезвычайно славный период в Голливуде, но они пришли в упадок в 1970-х и 1980-х, и не возвращались в последние несколько лет. Хотя "Чикаго" появится несколькими годами ранее, Дюка это не слишком беспокоит, в конце концов, так называемое возрождение мюзиклов в новом столетии — всего лишь псевдоконцепция.

Когда-то «Мулен Руж» вернул музыкальные фильмы на Олимп Голливуда, и когда вышел «Чикаго», ностальгирующие мейнстримные голливудские круги не могли дождаться, чтобы объявить, что музыкальным фильмам пора изменить свое представление о кино. К ним снова пришла слава.

Это просто вспышка, более поздние работы в этом жанре лишь немногим лучше уличных товаров. "Классный мюзикл" - это телевизионный фильм, не только ограниченный по влиянию, но также и самый непопулярный в голливудском мейнстриме фильм, о кумирах молодежи. С точки зрения жанра, музыкальные фильмы пережили лишь кратковременное возрождение в «Мулен Руж» и «Чикаго», и это кратковременное возрождение неотделимо от содержания и сюжета двух фильмов.

Можно сказать, что ностальгия является практикой основного общества. Всегда есть большое количество ностальгирующих людей в любую эпоху, и в таких людях нет недостатка в Голливуде и среди кинозрителей. Эта почва для "Чикаго" для вспышки. Не говоря уже об иронии фильма, просто ностальгия в нем точно вызовет чувства у многих людей, особенно когда играет песня "Весь этот Джаз", не знаю, сколько людей, которые смотрят мюзикл, вспомнят свою молодость...

Самый важный момент: Бродвей недавно объявил, что переаранжирует "Чикаго", чтобы вернуть этот классический мюзикл на Бродвей!

Фильм и мюзикл объединяются. Заставить некоторых людей вспомнить славную эпоху мюзиклов не слишком сложно.

И Дюк прекрасно понимает тот факт, что музыкальные фильмы пришли в упадок, это может лишь ненадолго вызвать воспоминания у некоторых людей, и невозможно создать повальное увлечение как с просмотром научно-фантастических боевиков.

Это его выбор - "Чикаго" с типичным американским колоритом. А так же важная причина почему не Мулен Руж.

Конечно, такого рода перемены действительно большие, и СМИ и фанаты точно будут в шоке. Трудно сказать какая будет реакция, но полемика вызывает любопытство. Некоторое любопытство превратится в кассу.

На самом деле причин для такого выбора много. Имея опыт съемок нескольких фильмов, Дюк имеет определенную уверенность в своей повествовательной технике, и в «Чикаго», прямо скажем, многие вещи также привлекают зрителей визуальным воздействием. Для Дюка это не сложно, самое сложное для него - песни и танцы, у него нет таких профессиональных качеств.

Однако в Голливуде и на Бродвее хватает таких людей. Хотя нанять профессионального режиссера - хореографа имеющего представление о вокале немного хлопотно, но решить эту проблему можно.

Еще один момент, что вложения в фильм будут не очень высокими, и вернуть деньги, для кинокомпании, будет относительно легко. Получение наград - это всего лишь средство

получения прибыли, но фильмы, получающие награды, не могут приносить много выгоды. Если не будет прибыли, инвестиционный рейтинг режиссера будет понижен или его даже занесут в черный список.

В конце концов, этот фильм, как и предыдущие фильмы Дюка, является стандартным мейнстримовым фильмом, нельзя делать то, что отклоняется от мейнстрима, еще не время, ведь его капитал не особо достаточен.

Что касается чистых фильмов ужасов с небольшими вложениями и высокой отдачей. Это совершенно не касается Дюка. Почему если он хотел трансформироваться не стать режиссером фильмов ужасов? Если он переходит на кровавые фильмы ужасов или плохие фильмы ужасов с завышенным доверием. То он просто идет в тупик сам, так лучше не трансформироваться.

Тем не менее, ему придется подождать, пока снимается «Спаси рядового Райана». Текущая работа Дюка состоит в том, чтобы завершить производство этой военной эпопеи.

Проведя три дня с матерью в Лондоне, Дюк вернулся в Ирландию, и съемочная группа вновь собралась на съемочной площадке под Дублином.

У съемочной группы было всего несколько сцен в студии, и большая их часть снималась на открытом воздухе. После непродолжительной встречи с собственной командой Дюк вышел из импровизированной студии и отправился на соседнюю площадку.

Он подошел к "базе РЛС" на краю съемочной площадки, и когда туда добрался, обнаружил, что слева неподалеку какое-то непонятное движение, там перемещалось много людей, казалось что съемочная группа «Храброго сердца» по соседству снимает.

«Что происходит?» - спросил Дюк.

Основные места съемок с двух сторон разделены определенным расстоянием, но краевые области не очень далеко друг от друга, около нескольких сотен футов.

"Это их декорация, но она второстепенна, - Робин Гранде относительно знаком с ситуацией. - Съемки начались перед Рождеством, так что это должна быть неважная сцена".

Сейчас у него было мало времени, пока другая сторона не перешла черту и не затронула его собственную команду, ему было все равно.

Подойдя к построенной радиолокационной станции, он осмотрелся. Том Хэнкс был готов, Дюк и Джон Шварцман обменялись мнением о позициях камер и вопросам светового цвета, затем подошли к Хэнксу стоящему рядом.

"Том, эта сцена немного сложная." Дюк сел на развалины, " Для тебя это ничего не значит. Обрати внимание на безмолвный плач. Ты - костяк отряда, и ты не должен позволять другим видеть слабую и чрезмерно печальную сторону."

"Не волнуйся. Дай сделать мне то, что я знаю лучше всего."

После того, как эти двое стали знакомы, Том Хэнкс иногда отпускает несколько шуток: «Я несколько раз тренировался на Рождество, и Колин спросил меня, что я делаю.»

Дюк знал, что Колин о котором говорит Хэнкс, должно быть, его старший сын, похлопал его по

руке, встал и подошел к режиссерскому монитору, как он сказал, сцена действительно немного сложная, но это небольшая проблема для Тома Хэнкса.

Вскоре все было готово, и после сигнала Дюка ассистент режиссера взял табличку и подошел к объективу камеры.

«Сцена 21, Акт 1, начинается сейчас!»

Сидя за монитором, Дюк подпер подбородок одной рукой, глядя на Тома Хэнкса на экране.

Он сидел на развалинах, развернув карту в руках, оглянулся назад и вдруг спустился к основанию развалин, словно боясь, что другие найдут его, прячущегося здесь, сдерживающего свое горе и печаль. Казалось, он едва сдерживал себе, чтобы не заплакать, как раз в тот момент, когда две полоски слез едва выскользнули из его глаз и эмоции вот-вот нахлынут...

Ржание лошадей раздалось несколько раз подряд, хотя их разделяли почти тысяча футов, в пустой и тихой обстановке было очень ясно слышно. Такой неожиданный голос был большим убийцей для актеров. Том Хэнкс сразу вышел из образа.

Дюк встал и повернул голову, чтобы посмотреть на площадку «Храброго Сердца», которая был не слишком далеко. Он нахмурил брови, и тут послышалось еще несколько конских всхрапов.

В других условиях этот звук не помешал бы, но в тихой студии он полностью влияет на съемку.

"Подожди минутку. Не волнуйся, отдохни немного".

Несмотря на то, что члены съемочной группы немного сердиты, они настолько близки, что трудно сказать, что другая сторона сделала это нарочно. Дюк жестом велел остальным членам экипажа успокоиться.

Чего он не ожидал, так это того, что после почти 20-минутного отдыха не было никаких признаков остановки, хотя ржание лошадей было не таким интенсивным, как в начале, вскоре после этого началось движение.

"Робин", - Это не выход, Дюк ничего не мог поделать, «Найди кого-нибудь, чтобы вести с ними переговоры».

Это не сложно решить. Когда другая сторона приносит лошади еду, она должна быть тихой.

«Отпусти меня». - Подошел и остановил Робина Гранда, Чарльз Роуэн, он знал, что с людьми там нелегко иметь дело, поэтому он лично подошел и нашел Мэла Гибсона, а затем некоторое время разговаривал с ним.

Мел Гибсон с длинными растрепанными волосами вернулся к задней части монитора и посмотрел на только что законченную сцену. На картине британские солдаты в исполнении каскадеров скачут по деревьям, а лошади время от времени ржали, как будто британцы относились к шотландцам как к необузданным дикарям.

Лошади оттеняют людей, люди оттеняют лошадей, Мэл Гибсон безумно доволен этими кадрами.

"Мел, ты собираешься пойти на уступку?" Не знаю когда, к нему подошел Шон Коннери, "Без ржания боевого коня кадр точно был бы не так хорош, как..."

«Еда для лошадей?» Мэл Гибсон, казалось, думал.

«Съемочная группа Дюка Розенберга вон там, - намеренно напомнил Шон Коннери, - у него всегда были плохие отношения с нами, и он столкнулся с тобой напрямую, да и Мартин тоже его не очень любит.»

Мэл Гибсон постучал пальцами по ручке кресла, а Шон Коннери продолжил: «Мы просто снимаем в обычном режиме, и никто не может ничего сказать, они могут полностью изменить свой график и отправиться снимать сначала другие сцены.»

«Следовательно, это стоит больше времени, энергии и денег, верно?»

«Почему бы не сделать это? Когда я впервые увидел Дюка Розенберга, он не очень понравился!»

С другой стороны, Дюк только что закончил болтать с Чарльзом Роуэном, и результат его переговоров, казалось, был хорошим.

Помощник Дюка сообщил в различные отделы, и Том Хэнкс быстро был на месте. После непродолжительной подготовки съемка вот-вот должна была начаться.

"Двадцать первая сцена, первый акт, начинаем..."

Дюк встал с режиссерского кресла, его темные глаза смотрели на декорации «Храброго сердца», он снова слышал в ушах конское ржание, глаза его постепенно становились холодными. Старое лицо стоящего рядом Чарльза Роуэна тоже очень безобразно, и очевидно, что его проигнорировал этот заносчивый австралиец.

"Чарльз, давайте изменим график съемок!" Голос Дюка был ровным: "Сначала финальная битва!"

"Я полностью согласен!"

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/67850/1807899>